

*Денис Патракеев. Над водой
Бронза, камень. Фрагмент. 2025*

Библиография

А. И. Рейтблат

Как изучать образ будущего?

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_715

Желтикова И.В. Образ будущего: монография.

Орёл: Картуш, 2021. — 164 с. — 500 экз.

И.В. Желтикова поставила перед собой сложную и амбициозную задачу: проанализировать концепт «образ будущего», рассмотреть существующие методы его изучения и источники, которые можно использовать для подобной работы, а также предложить свои методы изучения образов будущего. Уже то, что она первой из отечественных исследователей выпустила монографию на эту тему, заслуживает похвалы.

Сразу же нужно пояснить, что «будущее» и «образ будущего» — вещи принципиально различные. Будущее — это то, чего нет (а возможно, и не будет), но о чем можно строить гипотезы на основе имеющихся трендов, однако «исследовать» его нельзя. Выдвижением предположений о том, каким оно будет, занимается футурология. Правильность подобных прогнозов устанавливается впоследствии, но пока они почти всегда не сбываются. А вот образ будущего существует (или не существует) в сознании людей сейчас, он имеет регулятивную ценность для настоящего и не рассчитан на верификацию. Книга, о которой пойдет речь в этой рецензии, как раз и посвящена методологии подобного изучения. Автор так определяет ее задачи: «Эта книга посвящена тому, каким видится

будущее из дня сегодняшнего, каким бывает это видение, как формируются и функционируют в настоящем представления о будущем. Образы будущего являются той формой, которая позволяет будущему присутствовать в настоящем, менять настоящее и тем самым оказывать влияние на будущее» (с. 4).

В первой части книги («Что такое образ будущего») Желтикова характеризует образ будущего как объект исследования и пишет о вариативности образов будущего. Она подчеркивает, что изучение образов будущего началось сравнитель-

но недавно, пионером был голландский социолог Фредерик Лодевик Полак (1907–1985), опубликовавший в 1955 г. двухтомную монографию «Будущее — это прошедшее время: культурно-футурологические исследования», которая в сильно сокращенном виде была издана на английском в 1973 г. под названием «Образ будущего»¹. В своей работе исследовательница в значительной мере отталкивается от книги Полака, обильно цитируя и пересказывая английский перевод в разных местах своей монографии, описывает она и ряд эмпирических исследований, проведенных в Финляндии (где изучением образов будущего занимается целая группа исследователей) и у нас в стране.

Поскольку в России выражение «образ будущего» употребляется в разных значениях, Желтикова начинает с того, что поясняет, как понимается этот оборот в ее книге. Она указывает, что в современном отечественном политическом дискурсе это словосочетание используют для описания проекта развития страны и что в том же значении его используют экономисты и политологи. «Наиболее распространено оно в футурологическом и прогностическом контекстах, где “образ будущего” понимается как проект, требующий реализации, как задание, которое мы для себя ставим и, решая которое, творим будущее по заданному плану» (с. 13). В другом значении оно употребляется в педагогических и психологических статьях и книгах, где акцентируется субъективный характер представлений о будущем. Делается это при изучении постановки индивидом себе целей для самореализации. И, наконец, в третьем значении его можно встретить в работах, исследующих представления определенных социальных групп о своем ближайшем будущем.

Сама исследовательница не раз подчеркивает, что в ее понимании образ будущего — это не набор ряда черт, а целостное образование:

Особенностью трактовки понятия «образ будущего», представленной в данном исследовании, является, во-первых, то, что под образом будущего мы будем иметь в виду коллективные представления, и, во-вторых, то, что полагаем возможным исследовать не только актуально функционирующие образы будущего, но и присутствующие в историческом прошлом. Образом будущего мы станем обозначать целостную картину будущего, отражающую социальные ожидания больших групп людей. Это представления о том, что ожидает или может ожидать общество, мир в целом в ближайшем, или несколько удаленном, или очень удаленном будущем, всем том, что мысленно мы определяем как «позже, чем теперь». Образ будущего включает в себя представления не о какой-то одной стороне жизни общества, а координированное видение социальной, политической, экономической, культурной сфер социальной реальности (с. 19).

Кроме того, она подчеркивает, что, в отличие от научного прогноза, проекта и плана, образ будущего включает в себя и эмоциональное отношение к ожидаемому будущему. Отмечает она также, что в обществе может одновременно существовать несколько образов будущего, причем даже «альтернативных» (с. 20).

Сразу же возникает вопрос: откуда известно, что образ будущего «отражает социальные ожидания больших групп людей»? Почему автор не допускает, что такой образ, если он вообще есть, отражает ожидания очень небольшой группы людей, а остальная, гораздо большая часть населения вообще не думает о будущем или строит личные планы, не допуская, что общий социальный контекст может изме-

1 Polak F.L. De toekomst is verleden tijd: cultuur-futuristische verkenningen. Deel I–II. Utrecht: W.J. de Haan, 1955; Polak F. The Image of the Future. Amsterdam; London; New York: Elsevier, 1973.

ниться? Кроме того, почему она не допускает, что образ будущего в ее понимании встречается очень редко, а обычно представляет собой только изолированное видение отдельных сторон общества? Желтикова опирается на такое утверждение: «Самый недалёковидный человек не может не планировать свою жизнь хотя бы на несколько дней или месяцев вперед. Обычно же люди строят планы на годы и десятилетия вперед» (с. 4). Мой опыт общения с людьми (учебы в школе и вузе, службы в армии, работы на заводе, участия в социологических опросах) говорит, что большая часть населения не планирует жизнь на годы вперед, а живет сегодняшним днем. Даже если кто-то и планирует свою жизнь, то при этом люди исходят из того, что в эти годы внешних изменений не произойдет, и думают только о своих действиях (получение образования, покупка квартиры или постройка дома, женитьба, написание книги и т.п.).

По Желтиковой, полем, где существуют образы будущего, является общественное сознание (в трактовке Маркса и Энгельса) или, иными словами, «коллективное сознание» (в трактовке Дюркгейма), а «конкретное изображение будущего является вариантом описания некой идеи будущего, функционирующей в общественном сознании. Эта идея определенным образом связана с особенностями социального бытия, временем и местом своего функционирования. Общественное сознание экстраполирует в будущее свое наличное бытие, точнее, определенные его параметры, и вырабатывает общезначимые представления о будущем» (с. 31). При этом образ будущего не является чисто рациональным образованием. Исследовательница подчеркивает, что «момент наглядности существенен для представления будущего. Образ будущего в значительной степени складывается из чувственных образов, которые не есть запечатление конкретных процессов, а являют собой видимое отражение идеи» (с. 34). Таким образом, для Желтиковой образ будущего — не проект его, а предчувствие направления развития.

В отдельном параграфе исследовательница рассматривает вариативность образов будущего (как в синхронии, так и в диахронии), отмечая при этом, что существуют и «устойчивые» сюжеты. При этом в качестве примера она кратко характеризует изменение образов будущего в России с конца XVIII в. по 1980-е гг. (с. 42–46).

Во второй части («Методологические аспекты изучения образов будущего») речь идет о методах исследования образов будущего, источниках для их изучения и подходах к классификации образов будущего. Автор делает обзор существующих методов (и соответствующих исследований), используемых при изучении образов будущего: 1) статистического, представляющего собой анализ индивидуальных представлений, чаще всего на основе анкетного опроса молодежи; 2) структурно-семиотического, когда в образах будущего «выделяются символы и семиотические коды, позволяющие проследить их возникновение и функционирование в социуме» (с. 54); 3) герменевтического, когда исследователь отбирает и истолковывает «интересные и полезные» источники (с. 55), прежде всего литературные тексты. Желтикова пишет, что выработала собственную методологию, объединяющую все названные методы и направленную на «выявление обобщенной картины будущего, являющейся узнаваемой для определенного социума» (с. 56). На первом этапе идет выявление материалов, в которых содержатся представления о будущем; на втором — анализ источников, направленный на выделение в них представлений о будущем; на третьем этапе в отдельных группах источников (литературных произведениях, философских работах, партийных программах) «выделяются основные параметры в видении будущего и объединяются по принципу схожести. В результате этой работы обнаруживается ведущая тенденции в представлении завтрашнего дня в рамках определенной группы источников» (с. 58); на четвертом

этапе осуществляется «тематическая группировка представлений о будущем, присутствующих в различных группах источников» (с. 59); на заключительном, пятом этапе «анализ сменяется синтезом, и мы объединяем все общие черты в один или несколько образов будущего, характерных для исследуемой культуры» (с. 60).

Проделав такую работу на основе современных источников, исследовательница приходит к выводу, что «в случае с образом будущего современной России основными его чертами, присутствующими в таких источниках, как научные прогнозы, правительственные программы и проекты стратегического развития, неправительственные проекты, социологические опросы и литературные произведения, выступают патернализм власти, ее усиление, ослабление значимости институтов гражданского общества, частичный отказ от принципа разделения властей, возвращение имущественного и сословного принципов в иерархическое структурирование общества, усиление роли государства в экономике с одновременным снижением государственного участия в социальной сфере, влияния Церкви и Армии как в области политики, так и социальной сфере» (с. 60).

На наш взгляд, подобная методика не может претендовать на выявление объективно существующих вещей. В первой части автор утверждала следующее:

...не исследователь по своему желанию выбирает носители интересующей его информации и таким образом формирует объект своего исследования, а сам объект в виде определенных социальных ожиданий существует независимо от него и может быть представлен в виде корпуса текстов (в том числе и визуальных), посвященных описанию будущего. Эти тексты содержат совпадающие характеристики общества будущего. Исследователь не выделяет медиану социальных ожиданий путем абстрагирования и «подведения под общий знаменатель» изначально различных воззрений, он лишь компоует, собирает совпадающие представления о будущем, присутствующие в анализируемом материале» (с. 22).

Что тексты существуют независимо от исследователя, с этим спорить не будем. Но сомнения вызывают слова, что исследователь «компоует <...> представления о будущем, присутствующие в анализируемом материале». Это зачем? Если представления совпадают, тогда говорить не о чем. Но зачем их компоновать? Где гарантия, что они совпадают? А если совпадает часть, а часть не совпадает, тогда как?

Во второй части Желтикова конкретизирует описание своей методики. Она пишет, что исследователь на пяти этапах работы осуществляет отбор, группировку и, главное, интерпретацию, исходя из своих представлений, при этом «особую роль в герменевтическом анализе образов будущего играет процедура предположения, заключающаяся в подборе исследователем текстов, которые предположительно могут выступать носителями информации об образах будущего» (с. 55). На каждом этапе исследователь «исходит из своих представлений». Где же гарантия, что выводы разных исследователей с разными представлениями совпадут? А если ее нет, то как можно утверждать, что выводы будут отражать реальные явления, а не «представления» исследователя?

Много внимания автор монографии уделяет характеристике источников и наиболее подходящим называет художественную прозу. Она ссылается на Станислава Лема, который утверждал, что «писатель интуитивно улавливает те тенденции настоящего, которые окажут решающее влияние на будущее, мысленно продолжает их и фиксирует возможное развитие событий во всем его многообразии» (с. 61). Однако, на мой взгляд, здесь не учитывается специфика литературы как вида искусства: она отражает не жизнь, а то, как видит ее автор. Соответственно, «жизнь» в романах В.В. Крестовского, Н.Г. Чернышевского и Н.С. Соханской, которые печатались примерно в одни и те же годы, очень разная. Ведь редко писатель хочет

предсказать будущее. Гораздо чаще, создавая, например, антиутопию, он утрирует некоторые современные тенденции, стремясь повлиять на современников и изменить ход событий. Здесь будущее изображается, чтобы оно не стало реальным будущим, и автор надеется, что оно не будет таким. Кроме того, предлагая использовать в качестве источника художественную прозу, автор монографии не учитывает, что в России (а именно изучением существовавших и существующих здесь образов она в основном занимается) почти всегда существовала довольно жесткая цензура, которая по ряду тем (православие; самодержавие, а позднее советская власть; освобождение крестьян и др.) запрещала публикацию художественных и нехудожественных произведений, отступавших от официальных взглядов. Так, в своем историческом обзоре образов будущего в России Желтикова рассматривает 1920-е гг. как период позитивного видения будущего, не учитывая, что иная точка зрения практически не могла проникнуть в печать (например, в романах «Мы» Е. Замятина, «Чевенгур» А. Платонова, повести «Собачье сердце» М. Булгакова и др.).

Среди других источников Желтикова называет философские трактаты, футурологические работы, научно-популярные произведения, публицистику, переписку (в том числе письма в периодические издания и государственные органы), дневники, воспоминания, политические проекты. Наряду с письменными источниками в качестве источника образов будущего исследовательница рассматривает монументальную живопись, открытки и плакаты, книжные иллюстрации, кино (возможности анализа этого источника уделена отдельная глава), радио- и телепередачи, комиксы и диафильмы, градостроительные проекты, сетевые игры и социальные сети. Хотя автор не раз подчеркивает, что важно изучать не только образы будущего современников, но и то, какие образы будущего существовали в прошлом у разных групп населения, однако из предлагаемого набора источников лишь немногие существовали в прошлом.

Третья часть («Системный анализ образа будущего») посвящена рассмотрению структуры образа будущего, факторов формирования образов будущего и эвристического потенциала концепта «образ будущего». Опираясь на работы социологов Бориса Грушина, Зигмунта Баумана и Аниты Рубин, Желтикова выделяет в образах будущего как проявлениях коллективного сознания пять слоев: когнитивный, эмоциональный, моральный, оценочно-модальный и визуальный. В содержательном плане выделены такие сферы, как экономическая, политическая, социальная и духовная. С точки зрения времени в работе выделены ретроэлементы (переносимые в будущее из прошлого), консервативные элементы (переносимые в будущее из современности), новые элементы (явления, которых нет сейчас, но отсутствие которых желательно преодолеть, например возможность летать, жить под водой, путешествовать в космосе) и вневременные элементы (инвариантные к временным изменениям: возрастная и гендерная структура общества).

Рассматривая существующие в научной литературе трактовки факторов, влияющих на формирование образа будущего, исследовательница подвергает критике распространенное в российской политологии мнение, что можно целенаправленно формировать образ будущего, «функционирующий в качестве элемента общественного сознания» (с. 115). Она подчеркивает, что выработанная концепция будущего должна совпасть с ожиданиями и представлениями населения, иначе она не будет принята. Схожие сомнения она выражает по отношению к идее, что образ будущего создают философы и писатели: «...влияние авторской картины будущего на коллективные образы достаточно ограничено, из авторских ожиданий на уровне общественного сознания сохраняются только те идеи, которые совпадают с ожиданиями других людей, поскольку в процессе взаимовлияния индивидуальных и коллективных образов будущего доминируют последние» (с. 119).

Важным условием (но не причиной) формирования образа будущего Желтикова считает изменение системы ценностей общества или возникновение ситуации плюрализма ценностей. К числу же причин возникновения образов будущего она относит «человеческое любопытство», никак, впрочем, не поясняя, чем оно вызвано, и не приводя аргументов в пользу того, что оно присуще тем многим людям, которые должны принять предлагаемый им образ будущего. Но основным фактором Желтикова считает настоящее:

Я согласна с выводами о том, что одним из решающих факторов, оказывающих влияние на формирование образов будущего и их конкретный облик, является то актуальное настоящее, в котором формируются эти образы, и проблемы, на которые реагируют конкретные люди. Именно те аспекты, по отношению к которым эти реакции совпадают, и составляют параметры, влияющие на перспективные картины. Образ будущего возникает в настоящем, но настоящем и объективном, обусловленном временным периодом и ходом развития страны, и субъективным, связанном с образом жизни конкретного человека (с. 128).

Завершается третья часть описанием того, как изучение образов будущего помогает понять настоящее. Желтикова полагает, что «от того, насколько актуально для общества прошлое, насколько желательно и как представимо будущее, зависит и то, как оценивается настоящее, какое отношение к настоящему состоянию социума в нем присутствует» (с. 130). Когда будущее видится как идеализированное прошлое, это значит, что в настоящем нет ясности, оно противоречиво, и перспективы неясны, тогда цепляются за прошлое. Тогда как периоды, когда активно разрабатываются модели будущего, связаны с положительной оценкой настоящего и готовностью к переменам. «Отсутствие же интереса к будущему, выраженное в слабости и неразработанности образов будущего, свидетельствует о замирании творческой активности культуры и отсутствии интереса к целенаправленным изменениям» (с. 130). Изучение того, какими были образы будущего в прошлом, позволяет, по мнению исследовательницы, проследить изменения в умонастроениях общества на протяжении большого промежутка времени.

В заключение отметим две вещи. Одна (безусловный минус) — отсутствие в книге редактуры и корректуры (в выходных данных значится: «Отпечатано в авторской редакции»). В результате исследовательница научной фантастики Е.Н. Ковтун превратилась в мужчину («статья Е.Н. Ковтуна», с. 55), инженер и писатель В.Н. Чиколев — в В.Н. Чиколаева (с. 64), а «геенна огненная» — в «гиену огненную» (с. 70), я уж не говорю о немалом числе опечаток и ошибок в пунктуации. Другая (безусловный плюс) — наличие в книге информации о ряде отечественных и зарубежных исследований образов будущего и обширного раздела «Библиография», в котором учтено немало отечественных и зарубежных работ, а также более полусотни статей автора по данной теме.

В целом же книга заслуживает положительной оценки. Автор проделала большую работу и предложила не только общие рассуждения, но и методику изучения образов будущего. Хотя и в исходных положениях, и в их применении есть немало проблематичных положений, требующих или дополнительной аргументации, или корректировки, сама идея изучения образов будущего продуктивна, а предложенная методология может быть доработана и использована для воплощения этой идеи в жизнь.